

Яцевич Мария Юрьевна

КАТЕГОРИЯ СВОБОДЫ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ: ОТ ТЕОРИИ К СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье представлен концептуальный анализ категории свободы в либеральном дискурсе. В исследовании обосновывается мысль, что классическая философия абсолютизировала и рационализировала свободу индивида в противоположность традиционным христианским положениям. Это привело к развитию ее гипертрофированных форм в социальных практиках, когда свобода приобретает негативные характеристики в виде ценностной аномии, отчуждения, абсолютизированного индивидуализма и других эффектов, разрушающих общество.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 206-209. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 123.1

Философские науки

В статье представлен концептуальный анализ категории свободы в либеральном дискурсе. В исследовании обосновывается мысль, что классическая философия абсолютизировала и рационализировала свободу индивида в противоположность традиционным христианским положениям. Это привело к развитию ее гипертрофированных форм в социальных практиках, когда свобода приобретает негативные характеристики в виде ценностной аномии, отчуждения, абсолютизированного индивидуализма и других эффектов, разрушающих общество.

Ключевые слова и фразы: социальный дискурс; социальные практики; свобода; идеология; либерализм; рационализм; индивидуализм; христианская этика.

Яцевич Мария Юрьевна, к. филос. н.

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева

Maria762003@list.ru

**КАТЕГОРИЯ СВОБОДЫ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ:
ОТ ТЕОРИИ К СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ[©]**

Современное глобализованное общество – сложная система межличностных отношений, социально-экономических практик, политических противоречий, детерминированных множеством различных факторов, процессов и явлений. Но, как известно, социальная реальность – это аспект бытия, который своим ключевым источником изменений часто имеет идейно-мировоззренческие принципы, фундаментирующие структурные изменения общества. Сегодня общество постмодерна, при всем своем многообразии, разнородности и полиморфизме, все же имеет ряд общих для себя концептуальных оснований, претендующих на роль системообразующего фактора и моделирующих социальную реальность.

Последнее время является уже традиционным для социальной теории и на уровне повседневного восприятия отождествление современного западного общества с рационализмом, демократией, автономией индивида и плюралистической этикой. Многие из западноевропейских социальных идеалов зачастую позиционируются как единственно приемлемая основа для развития социальных практик, межличностных коммуникаций и абсолютный критерий оценки общественных отношений в целом.

Как известно, идеологическим пространством, которое объединило идейные приоритеты и социальные потребности западноевропейского общества, стал *либерализм*. Еще с XVIII столетия в качестве фундаментальных ценностей либеральная идеология позиционирует *свободу, рациональность, выбор, индивидуализм* и т.д. Но сущность и содержание этих категорий всегда вызвали много споров среди философов, социальных мыслителей, политиков, стремящихся не только определить значение и смысл данных концептов, но и исследовать их влияние на социальную реальность.

Категория «свободы» традиционно является универсальным системообразующим принципом и основанием либеральной идеологии. Содержание концепта «свобода» сформировалось в рамках классической европейской философии и всегда рассматривалось в контексте бинарной взаимосвязи со своей противоположностью, категорией «необходимости».

Истоки западноевропейского восприятия *свободы* лежат в традиции христианского миропонимания, где онтологически закладываются коррелятивные отношения между «свободой» как предикатом Бога (миром трансцендентного) и «необходимостью» как принципом бытия эмпирической реальности, природного мира (имманентного). Но утверждение, с одной стороны, человека как наиболее совершенного из творений Бога, созданного «по его образу и подобию», и изначально наделенного *разумом и свободной волей*, и с другой стороны, констатация его существования в мире несовершенной природы составили серьезное философское противоречие, определившее не только последующие формулировки категории свободы, но и во многом характер развития западноевропейской цивилизации в целом.

Последующее в эпоху Реформизма становление естественнонаучного знания определило отрицание Бога и трансцендентного мира. Это явилось теоретически достаточным основанием обожествления человека, который имеет бесконечные права и возможности. Таким образом, именно под влиянием Реформизма, а также идеологии гуманизма и рационализма *свобода* онтологически оформилась как категория, характеризующая субъективное (имманентное) бытие, индивидуальную волю. Такого рода «перемещение» свободы из трансцендентной Божественной реальности в субъективное бытие определило необходимость дальнейшего дискурсивного преломления проблемы *свободы* в сторону ее *рационализации*. Так, вслед за определением свободы как фундаментального свойства индивида последовали теории (Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и др.), обосновывающие необходимость изменения социальных практик для реализации этой свободы.

Представляется, что изменение способа описания реальности, обоснованное в теоретических философских системах этого периода, отчасти обусловило либералистическую трактовку сущности *свободы*, определив ее статус как фундаментальной категории социального устройства нового типа. Так, впервые именно во взглядах лютеранства и кальвинизма интуиция свободы получает новую окраску, отличную от традиционной католической. Если, с точки зрения ортодоксального варианта христианства, свобода онтологически является предикатом Бога и имеет позитивный, божественный, созидательный характер (так как свои полноценные свойства обнаруживает через посредничество церкви как «тела Христова», что дает человеку возможность истинного освобождения – через церковь в Боге и с Богом), то в протестантизме свобода изначально принадлежит человеку и составляет его сущность. «Христианин является совершенно свободным господином всего сущего и не подвластен никому» [3]. Понятие субъективной свободы духа, в религиозной форме раскрытое М. Лютером, перешло к реализации свободы в объективной реальности – к созданию гражданского общества, государства и автономного индивида. В результате этой объективации свободы со-вести были утверждены субстанциальная самостоятельность субъекта, его самость и индивидуальность.

Э. Фромм [5], анализируя в своей работе «Бегство от свободы» развитие данного явления в европейской культуре, а также специфику и особенности ее реализации в современном обществе, считает, что Реформация является одним из источников формирования индивидуалистического восприятия свободы, но в ее *рациональном* (или, точнее будет сказать, рационализированном) контексте, то есть в том виде, как эта идея представлена в современных западных демократиях.

Фундаментальная ориентация на акцентирование изначальности, первичности индивидуальной человеческой свободы как «*негативной*», «*свободы от...*», освобождения «*от...*», по мнению Э. Фромма [Там же], определила последующий социальный тип развития европейской цивилизации: во-первых, в сторону беспрецедентной автономности и индивидуализации; во-вторых, в направлении развертывания «негативной свободы» до ее абсолютных пределов и противоположности, вплоть до тоталитаризма.

В социально-практическом аспекте «отрицательная свобода» представляется через легитимность политических институтов, существующих на основе рационального договора между формально свободными и формально равными субъектами. Таким образом, «отрицательная свобода» проявляется как форма отчуждения естественных прав человека в пользу общества – по принципу «общественного договора» как добровольного и всеобщего соглашения между всеми свободными индивидами с целью объединиться в политическое сообщество и повиноваться законам, изданным коллективно избранным правителем. Отрицательная свобода гарантирует равную свободу для каждого и выражает содержание естественных прав субъекта. Права субъектов и их отрицательная свобода становятся институциональными и базируются на реальном соотношении социально-экономических, правовых, политических свобод и интересов.

Так, в результате теологических споров, а позже под влиянием новоевропейской секуляризации свобода становится метафизическим основанием человеческого бытия, источником его воли, деятельности, а также условием его духовного развития. Свобода в пределах индивидуального существования определяется как «свобода воли» и является возможностью и условием индивидуального выбора между Добром и Злом. Но традиционное противоречивое христианское представление относительно двойственности человеческой природы, а также потребность в разумном примирении этих противоречий и создании базы для наиболее гармоничного общественного устройства разрешилось в новоевропейской философии посредством рационализации и формализации основных принципов человеческого бытия – *свободы и необходимости*. В этой ситуации решение антиномии – *свободной необходимости* представлялось возможным для философов с помощью принципиально человеческого качества – способности к рациональному мышлению. В результате дальнейшее осмысление категории «свободы» происходило в рамках рационализованного ее соотношения с категорией «необходимости». Соответственно, попытка найти рациональные формы свободы в мире сугубо человеческой, природной «необходимости» наложила адекватный отпечаток на разработку новых социальных программ и принципов мировоззрения отдельной личности.

Рационализация как общая направленность и доминирующая черта всей европейской философии, начиная с античности и усилившаяся в период Возрождения, Просвещения и особенно в Новое время, естественным образом определила перспективу деиррационализации свободы. Но неспособность рационалистической философии и, по всей видимости, теоретическая невозможность преодолеть изначальную онтологическую иррациональность свободы породила лишь попытку ее внешней рационализированной адаптации для более или менее адекватного примирения абсолютного характера свободной воли человека и его природной сущности. Теоретически это выразилось в необходимости концептуального обоснования реализации свободы в «разумной» социальной организации с целью достижения максимальной комфортности, безопасности, а также осуществления потребностей и интересов каждого отдельного индивида. Важно отметить, что наиболее перспективно эта мысль в дальнейшем была развита в «теории естественного договора» у Ж. Ж. Руссо, а также в немецкой классической философии (И. Кант, Г. Гегель).

Таким образом, сформировавшаяся в христианской ортодоксальной догматике идея о двойственности человеческой сущности через последующий процесс рационализации и индивидуализации в эпоху Реформации обусловила потребность анализа категории свободы во взаимосвязи с категорией необходимости в субъекте и через субъекта.

Еще одной предпосылкой для развития идеологии индивидуализма стали принципы субъективного идеализма, сложившиеся в философии Нового времени (Д. Беркли, Д. Юма, И. Канта). В учениях этих мыслителей

общей онтологической формулой стало утверждение о том, что сущее представляется как содержание «Я» и существует в нем как его представление. По мнению С. Франка, субъект всегда представляет «Я» как некую абсолютную реальность, единственную инстанцию, признающую за собой всю полноту и определенность существования [4]. Соответственно, идея Бога, до сих пор определявшая в системе христианского мировоззрения основные параметры бытия, отходит на второй план, онтологически уступая место для построения реальности на основании субъективного и индивидуального оснований.

Наиболее важным здесь остается сам принцип индивидуальности, исходящий из онтологического разделения реальности на субъект и объект, перерастая в систему трансцендентальной философии Канта. В этом случае иррациональная, по сути, свобода как «вещь-в-себе» противопоставляется организующей и преобразующей способности разума. Восприятие индивида как познающего субъекта по отношению к бытию (объекту) позиционировало свободу как своеобразную «настройку» психики субъекта на необходимость, и на этой основе определялись возможности достижения им свободы. В связи с этим сложилось характерное для нового времени представление сущности свободы как «осознанной необходимости». В последующих концепциях, в частности, в философии Канта [2] свобода понимается как требование практического разума подчиниться Категорическому Императиву, безусловному всеобщему повелению. Человек как существо ноуменальное обладает разумом и может ставить определенные рационально обоснованные цели, ничем не детерминированные. Способность ставить цели (способность желать) есть выражение свободной, необходимой человеческой воли. Категорический императив, будучи требованием практического разума, является сознанию как фундаментальный принцип умопостигаемого мира; следовательно, быть свободным – значит соотносить свою волю с повелением Нравственного Закона. И этот Закон требует от человека соответствовать своей умопостигаемой сущности. Так как Категорический Императив является безусловным и необходимым, соответственно, свобода также есть всеобщий закон ноуменального мира, а значит, и воли человека. Следовательно, поступать свободно – поступать в соответствии с повелением разума.

В такой рационализированной и субъективизированной интерпретации свобода становится способом онтологической и практической индивидуализации. При этом приоритетное положение в сфере социального бытия занимает субъект, индивидуальное начало как автономный носитель свободы, как «цель-в-себе». В таком обществе свобода становится первопринципом метафизики, идеологии, системы власти, а следовательно, и всех социально значимых сфер. Индивидуальная свобода, личное благо (а не Бог или всеобщее благо) начинает занимать положение первостепенной ценности и определять аксиологическую иерархию в мировоззрении либерального общества. Свобода представляется критерием морали и нравственности, формирует социальные, политические и правовые нормы, то есть становится способом реализации целей и желаний индивида. Идея свободы становится всеобщим знаменателем для всех остальных производных от нее онтологических, социальных, психологических и этических принципов.

Такого рода характеристики и абсолютизации свободы «выхолащивают» истинное, положительное содержание идеи свободы. В связи с этим, свобода перерождается из позитивного онтологического начала, «Божественной субстанции» в формальный, отвлеченный и отрицательный принцип, возвеличивающий рациональность, «чистый» индивидуализм, субъективные интересы, а также онтологическую и социальную автономность человека. В этом смысле можно сказать, что либеральная традиция рассматривает свободу не субстанционально, а инструментально, что приводит лишь к ее декларированию и формализации.

Так, в социально-экономической сфере, основанной на либералистических принципах, весьма четко обозначились формы доминирования рационализированной свободы. Одним из следствий рационализации становится всеобщая модернизация общества XIX–XX веков, которая охватила практически все аспекты общества – экономику, социальные отношения, духовную жизнь, а также привела к изменениям в политической сфере. Особенно ярко сегодня это проявляется в виде индустриализации, коммерциализации, стандартизации всех основополагающих областей жизни социума. В политической сфере формируются властные институты, основанные на принципах рациональной легитимности и стабильности правил. Главное положительное качество личности, которое способствует сохранению общества, – это, прежде всего, рациональность, умение ставить цели, ориентированные на утилитарный успех и выполнять задачи, имеющие практическую целесообразность. При этом все, что не соответствует требованиям разумной полезности, объявляется архаичным, негативным и регрессивным. Вместо традиционных для христианской цивилизации ценностей, предписывающих формы межличностного общения на основе духовного самосовершенствования и человеколюбия, возникает система правил, построенных на принципах рационально-прагматической коммуникации, контроля, внешних ограничений и регламентации.

Резюмируем. В теоретической форме идеи либерализма, такие как: приоритет личной свободы и прав индивида, концепция общественного договора, правовая регламентация общественной жизни – не являются негативными ориентирами. Но в реальной социальной практике, а более того, при определенных исторических и социально-экономических условиях существует возможность изменения и гипертрофированности позитивных оснований и намерений. В связи с этим, *абсолютизация* негативной, отрицательной свободы, возведение ее в ранг самостоятельной ценности (свободы ради свободы) обесмысливает свободу как таковую. Такая свобода как самоцель ставит человека в подчиненное, зависимое положение. Отсюда следует, что сама по себе «отрицательная» свобода есть нечто недостаточное, искаженное, нуждающееся в определенном положительном выражении.

Как следствие, социальные практики: принципы реализации власти, способы управления обществом, экономические, правовые, межличностные отношения и другие характерные особенности организации современного западного общества – являются во многом результатом реализации модели общественного устройства, основанной на положениях с негативным значением. Так, онто-методологическая абсолютизация свободы приводит человека в современном обществе к этическому релятивизму, фрустрации, нигилизму. Доминирование рационализма приводит к усилению внешнего контроля, регламентации и стандартизации всех аспектов жизни личности и общества. Гипертрофированный индивидуализм порождает формы экзистенциального отчуждения, ослабление социальных связей и дестабилизацию общества.

В такой ситуации существует угроза девальвации культурных, нравственных оснований общества, а также нивелирование значимости самой человеческой личности. В результате происходит не просто «трансформация общества», но и возникновение различных структурных и функциональных аномалий в социальной системе, порождающих кризисные явления и процессы.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. М.: Правда, 1989. 607 с.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 349-588.
3. Лютер М. О свободе христианина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regels.org/Luter-freedom.htm> (дата обращения: 15.05.2014).
4. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Поппури, 1998. 672 с.

CATEGORY OF FREEDOM IN LIBERAL IDEOLOGY: FROM THEORY TO SOCIAL PRACTICE

Yatsevich Mariya Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev
Maria762003@list.ru

The article presents a conceptual analysis of the category of freedom in liberal discourse. The author justifies an idea that classical philosophy absolutized and rationalized the freedom of an individual as opposed to the traditional Christian conceptions. This resulted in the development of its hypertrophied forms in social practices when freedom acquires negative characteristics in the form of value anomia, estrangement, absolutized individualism and other effects destroying the society.

Key words and phrases: social discourse; social practices; freedom; ideology; liberalism; rationalism; individualism; the Christian ethics.

УДК 94(438).06

Исторические науки и археология

Статья посвящена борьбе за независимость Польши конца XVIII века, нашедшей отражение в образе казненной якобинцами княгини Розалии Любомирской. В настоящее время ее рассматривают в качестве жертвы политического террора, оставляя в стороне ее активную роль в жизни Польши. Целью данной работы является изучение патриотической деятельности княгини и причин ее эмиграции во Францию. Впервые была сделана попытка восстановить события последних месяцев ее жизни, повлекших за собой обвинение в заговоре.

Ключевые слова и фразы: польская шляхта; разделы Польши; «польские якобинцы»; Любомирские; якобинский террор; история искусства; рококо; романтизм.

Яцук Наталия Алексеевна

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia.jatzuk@yandex.ru

«КАК ПОДОБАЕТ ДАМАМ»: ПОЛЬСКАЯ АРИСТОКРАТКА РОЗАЛИЯ ЛЮБОМИРСКАЯ И КРАХ ШЛЯХЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ УТОПИИ®

В истории Польши периода второго и третьего разделов (1793-1795), фактически положившего конец многовековому существованию Речи Посполитой как государства, существует несколько идеологически